

Маргарита Минина

Вертен

Роман

Маргарита Минина

Вертеп. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38612865

ISBN 9785449355430

Аннотация

Роман «Вертеп» – вторая книга автобиографической трилогии о жизни Марго. Оценки читателей первой книги «#Me Too» варьировали в широком диапазоне – от возмущенного неприятия до восторженных дифирамбов. Нет сомнений, что новый роман Мининой вызовет не менее бурную реакцию. Его смысловой кульминацией стали события в знаменитой московской школе, где растление учеников их преподавателями «поставлено на поток». Сами учителя называют эту школу не иначе как вертепом. Отсюда и название книги.

Содержание

Вместо предисловия	5
1. НИМФОМАНКА	7
2. ДЕБЮТ ДАРОВИТОГО АВТОРА	18
3. Я УБИЛА МАМУ	26
4. ЧУЖОЕ СЧАСТЬЕ	37
5. ЯВЛЕНИЕ ТРИСТРАМА	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Вертеп Роман

Маргарита Минина

© Маргарита Минина, 2018

ISBN 978-5-4493-5543-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Да бросьте: «врач, не врач...» Вы раздевайтесь!

Наталья Резник (Одностишия)

Вместо предисловия

Роман «Вертеп» – Вторая Книга трилогии, охватывающая десятилетний период жизни героини после окончания школы.*

Краткое содержание первой книги «# Me Too»:

2005 год. В английскую спецшколу приходят два новых и блестящих учителя. Один из них к тому же молод, обаятелен и хорош собой. Он быстро становится кумиром всего класса. Марго, привлекательная и умненькая девочка, влюбляется в него. Ей вот-вот исполнится 16 лет. Она понимает, что у нее нет ни малейших шансов на взаимность. Вдруг она замечает, хотя и не решается в это поверить, что учитель проявляет к ней интерес.

Проходит всего три месяца с момента первого и невинного свидания наедине, но их роман (или процесс обольщения, описанный весьма откровенно) уже достиг стадии полной физической близости. Марго в восторге от своего упительного романа, пребывает на вершине счастья и гордится, что стала полноценной женщиной, «умеющей все», и что в сексуальной сфере для нее больше нет тайн.

На майские праздники учитель с Марго и ее самой близкой подругой Элькой отправляются на дачу к другому «новенькому» учителю. Здесь случается катастрофа – АМ вместе с хозяином дачи и его женой насилюют Марго. После этого в душе Марго не остается ничего, кроме ненависти к насильникам и к самой себе. Она ощущает себя столь грязной, что до дрожи презирает себя. К тому же выясняется, что при изнасиловании она забеременела. Марго приходится втайне делать аборт. Она близка к самоубийству. Элька утешает ее и требует предъявить насильникам ультиматум – либо они тихо увольняются, либо она с Марго упрячут их за решетку. Марго не верит, что они примут ультиматум, но, к ее удивлению, оба исчезают. Она уверена, что они навеки ушли из ее жизни.

¹ * – Первая книга трилогии «#Me Too» опубликована в издательстве Ridero в 2017 году. Адрес сайта книги: https://ridero.ru/books/margo_i_demiurg/

1. НИМФОМАНКА

– Марго, неужели вы осчастливите меня второй частью ваших увлекательных записок?

– Я всего лишь послушно выполняю ваши требования, Голос. Велено было написать докладную с изложением моей истории, я и пишу. А уж насколько она увлекательна, не мне судить. А, вообще-то, несмотря на ваш вечный сарказм, я рада снова вас слышать.

– Ну уж и сарказм... Мне и вправду не терпится узнать, что же было с тех пор, как оба обидчика исчезли из вашей жизни...

– С тех пор так много лет утекло, что я и не знаю – с чего начать.

Школу я закончила с медалью, решила идти на филфак и неожиданно легко поступила. Я по-прежнему жила в Беляево, но уже не в той просторной трехкомнатной квартире, где прошло мое детство. Мама давно лелеяла планы разъехаться, чтобы обеспечить «взрослой дочери отдельную квартиру». Когда я перешла на второй курс, подвернулся идеальный вариант – родители обменяли нашу «трешку» на две квартиры в том же доме, но в разных подъездах. И я стала обладательницей однокомнатной квартиры, а мои родители переехали в небольшую двухкомнатную, зато без всякой до-

платы. «Зачем нам больше? – говорила мама. – Нам и этой хватит. Зато у тебя будет своя. Чтобы не пришлось вечно жить со стариками».

Я с увлечением училась на отделении западноевропейских языков. Так что если смотреть с этой стороны, в выпускном классе школы и после нее я являла собой образец добронравия и прилежания.

Может показаться, что та грязная история, участницей и жертвой которой я стала в 10 классе, пусть и не забылась окончательно, но отошла в область давних и уже не слишком трогających воспоминаний. Так порой вдруг вспоминается какой-то крошечный эпизод из давно вроде бы забытого ночного кошмара. Вздрогнешь, а через минуту снова забудешь.

Возможно, так бы оно и было. Но та история оставила свои следы в виде двух непрестанно мучивших меня обстоятельств. Первое заключалось в том, что после того аборта я так ни разу не смогла забеременеть. Конечно, поняла я это не сразу. В школе после того, что случилось, я лишь дважды «оскоромилась».

Впрочем, уже на первом курсе филфака мои сексуальные контакты возобновились. Как же – новая среда, новые знакомства, студенческие тусовки. И совсем новый уровень свободы для смазливой девушки. На самом филфаке мужеский пол всегда был в дефиците. Зато его давно облюбовали студенты и аспиранты других факультетов. Они как шмели за-

летали в филфаковский цветник, жужжали, гудели, кружили вокруг самых ярких цветов нашей оранжереи и частенько «опыляли» их. Вот с ними-то и возникали мои первые, никого ни к чему не обязывающие увлечения.

Когда очередной роман с каким-нибудь аспирантом достигал нужного градуса, я доставала и не дрогнувшей рукой собственноручно надевала на член своего избранника презерватив – благо, опыт в этом деле у меня имелся со школы. Так продолжалось и на втором, и на третьем курсе.

Но тут возник жених – выпускник психологического факультета. Вскоре он стал моим супругом. Во время секса с ним я перестала предохраняться, ибо очень хотела ребенка. Но у меня ни разу даже задержки не было, несмотря на интенсивность наших соитий. Я решила обратиться к врачу.

Он счел крайне маловероятным, что мой давний и единственный аборт мог стать причиной бесплодия: «В моей практике такое ни разу не случалось». Я прошла все необходимые проверки, но никаких поводов для тревоги не обнаружилось ни тогда, ни позже. Врачи как один заявляли, что патологии не видят. Я уже развелась, но с тех пор ни разу не предохранялась. И ни-че-го!

В общем, я так и не знаю, связано ли это с тем абортом или нет? Конечно, неспособность к деторождению – штука частая. Женщины, если уж им приспичит, все-таки находят выход из положения – например, усыновляют детишек из детских домов. Но для этого надо точно знать, что надеж-

ды на своего ребенка нет. А у меня она все еще есть, иначе бы давно кого-то усыновила. Вот эта неопределенность меня и убивает. Уж лучше бы огласили приговор – мол, у вас детей не будет. А тут говоришь себе непрестанно: «Вдруг усыновишь кого-нибудь, и тут же, по закону подлости, сама забеременеешь?». Но скоро, может, через пару лет, я решусь – чувствую, что уже созрела. Как бы не перезреть!..

Но предполагаемая неспособность к деторождению – только один из двух «подарков», которыми одарил меня Амбруаз Михайлович вкупе с милейшим Кандидом Анатольевичем (далее ограничусь их инициалами – АМ и КА). Дело в том, что после изнасилования я перестала получать хоть какое-то удовольствие от физической близости. **ВООБЩЕ!** И это я?! Та, которую АМ когда-то сравнивал с ураганом и восхищенно называл «совершенной машиной для сексуальных утех»?! Да, это я превратилась в ледышку.

Я ложилась с одним, с другим, с третьим. И ничегошеньки не чувствовала. Вот и случилось то, чего мы когда-то так опасались с Элькой – я стала абсолютно фригидной. И вскоре мне пришлось действовать так, как напороочила моя подруга, то есть симулировать и изображать. Да, как ни унижительно это звучит, я и этому научилась – стонать, повизгивать, прерывисто дышать. А потом как бы все еще в испарине страсти прикидывать к реально упарившемуся партнеру и благодарно мычать, мол, ты даже не представляешь, насколько

хорош, ах... Насколько все было упоительно, ох... Мне никогда еще не было так... *дивно*.

Наблюдать за мужиками после таких слов необыкновенно забавно, когда бы не было так грустно. Многие от этих похвал получают куда больше удовольствия, чем от самого секса. Они буквально расцветают, ощущают себя альфа-самцами и начинают свысока – мол, ох уж эти женщины! – обнимать тебя и шептать: «Ты тоже очень даже ничего!». А ты при этом лежишь, и ни одна клеточка твоего тела не дрогнет.

Научилась я этому искусству не сразу. Большинству вовсе и не нужно, чтобы женщина что-нибудь чувствовала. Типа сам кончил – и хорош! Но некоторым, с особо тонкой душевной организацией, требовалось для полного счастья завести партнершу. Если они видели, что им это не удастся, то огорчались, а порой (и довольно часто) начинали меня упрекать. Мой муж, кстати, относился именно к этой категории. Однажды он зло прошипел: «Чего лежишь бревно бревном?! Хоть бы разок ойкнула, что ли, или подмахнула». Может быть, из-за этой моей деревянности, мы так быстро разбежались.

Как раз после этого я и начала изображать, по памяти воспроизводя стоны и вскрики юной Марго. Но одних стонов было недостаточно. Однажды мой очередной партнер (это было еще до замужества) полез в меня и огорченно пробормотал: «Да ты же совсем сухая!». Я и раньше испытывала неприятные и болезненные ощущения. Но только после это-

го поняла их подлинную причину – увы, моя некогда столь обильная смазка нынче сильно поубавилась. С этих пор незаметно для партнера я, корчась от отвращения к самой себе, то и дело сплевывала на ладонь слюну изо рта. А потом проводила этой ладонью в промежности, чтобы восполнить нехватку естественной влаги.

Свою бесчувственность я заметила гораздо раньше, чем выяснила, что никак не могу забеременеть. Еще на той стадии, когда предохранялась. Я надевала презерватив на член очередного кавалера в надежде испытать прежние чудесные ощущения, но всякий раз терпела фиаско. Хоть садись и пиши вслед за Прустом роман под названием «В поисках утраченного оргазма».

Чтобы вернуть былую женскую полноценность, я пыталась использовать любой шанс. Опытные люди легко догадываются, к чему это привело – я постепенно, но довольно быстро утратила разборчивость. Когда возникал очередной мужик, бросавший на меня заинтересованные взгляды, я все реже отказывала, все легче «шла на контакт». А потом практически не сопротивлялась его поползновениям (разве что в первые минуты, и то – для виду) и быстро соглашалась скрасить ему одинокий вечер. Всякий раз надежда на собственное удовлетворение оставалась тщетной, но она, как известно, умирает последней. И когда ко мне подкатывал очередной претендент, я и ему не отказывала.

Правда, мое коротенькое замужество на время положило

конец романам на час или на вечер. Своему законному супругу я ни разу не изменила. Но после расставания с ним мои все менее разборчивые связи возобновились с новой силой. Весьма быстро по филфаку и сопредельным факультетам поползли слухи, что Марго легка на передок. Эти слухи достигали и моих ушей. От сознания того, как выгляжу в глазах своих знакомых, я испытывала адские муки, умирала от стыда, но... «давала» чуть ли не первому встречному. И остановиться не могла.

Я не ограничивалась только своими ровесниками. Нередко в сети фригидной паучихи попадали взрослые, а то и пожилые, мужчины. Я быстро усвоила, что стоит мне зайти в модный ресторан и с независимым видом усесться за свободный столик, как тут же, ну, от силы через 5 минут, кто-то из завсегдатаев непременно подсядет и начнет флиртовать. «Что ж, – думала я, зная наперед весь нехитрый сценарий. – Если и сегодня ничего не почувствую, то хотя бы вкусно поужинаю». Словом, по внешнему рисунку поведения я ничем не отличалась от обыкновенной бляди. А то, что мучилась в глубине души, так Сонечка Мармеладова и Катюша Маслова тоже ведь мучились?

Вот в это время мне впервые приснился сон, который с тех пор преследует меня непрерывно. В нем я чувствую себя куклой, явно знававшей лучшие времена. Смутно помню, что когда-то меня любили, холили и лелеяли, расчесывали

волосы, брали с собой в постель. Словом, кукла привыкла чувствовать себя этакой Барби. Но это все осталось в прошлом. А во сне меня грубо потрошит какой-то злой мальчишка. Себя я при этом, не вижу, зато чувствую, как вываливаются какие-то винтики, колесики, пружинки, куски поролона (или чем там еще набивают кукол?). Мальчишка продолжает потрошить меня. И заливается тоненьким гнусным смехом. Я всегда до мельчайших деталей вижу его лицо, его вечно мокрый и подтекающий нос. Но мой потрошитель не похож ни на кого из реальной жизни.

Потом рядом с ним внезапно оказывается другой и тоже злой мальчишка. Он помогает первому вытаскивать все, что еще осталось внутри меня. При этом ни боли, ни других ощущений у меня нет. Внутри я уже совсем полая, пустая. Единственное, что я еще могу – это хлопать одним левым глазом с густыми ресницами (правый давно не открывается) и со скрежетом произносить слово «мама». Этот звук почему-то вызывает во мне беспредельный ужас. Оба мальчишки склоняются надо мной. Они продолжают смеяться и, отталкивая друг друга, нажимают на кнопку, чтобы заставить меня вновь и вновь издавать этот скрежет.

Я понимаю, что если и эта кнопка сломается, они просто выбросят меня на помойку. Я страшно этого боюсь, потому что хотя и не вижу самой помойки, зато чувствую исходящую из нее вонь. И это так отвратительно, что я с огромным трудом выдавливаю из себя «Ма-ма... ма-ма...», лишь бы

мальчишки окончательно не потеряли ко мне интерес. И всегда на этом месте просыпаюсь в холодном поту. В ушах у меня еще несколько секунд продолжает звучать этот издаваемый мною металлический скрежещущий звук, и я никогда не могу удержаться от того, чтобы проверить, открывается ли мой правый глаз? Премиленький сон, что и говорить.

Этот чуть ли не еженощный кошмар проник и в мою реальную жизнь. Я все чаще вижу себя как бы со стороны – выпотрошенной и полой куклой, которую один злой мальчишка передает другому, а я механически повторяю вставленные в меня слова и стоны, позволяя им смеяться и даже издеваться над собой, лишь бы не надоесть им окончательно.

Единственное отличие сна от яви состоит в том, что во сне на мне, кажется, все-таки что-то надето, какие-то лоскутки, а в реальности вереница склоняющихся надо мной злых (впрочем, иногда и добрых) самцов видит меня голой. Голой и полой, ха-ха. И еще – в жизни я умею произносить не одно слово, а гораздо больше. Вот и вся разница.

На самом деле, когда я пишу, что все эти непотребства проделывала в погоне за утраченными сексуальными ощущениями, то кривлю душой. Да, какое-то время мною двигала надежда на обретение чувственности. Но вскоре я поняла, что главным мотивом, определявшим мое поведение, стало доходящее до судорог презрение к себе. И чем ниже я падала, чем большие унижения испытывала, тем сильнее презирала и ненавидела себя и свое тело.

Чем шире распространялись слухи о нимфоманке Марго среди моих бывших друзей и приятелей обоего пола, чем сильнее меня оскорбляли – словами или делами – мои чуть ли не ежевечерние кавалеры, тем нестерпимее мне хотелось вывалиться в какой-то новой, уже заведомо несмываемой грязи. Лишь бы хоть на йоту усилить и еще сильнее растравить и без того безграничное презрение к самой себе. И когда мне это удавалось, я начинала, как богомольцы «Отче наш», повторять строки, когда-то поразившие меня и запомнившиеся на всю жизнь: «Я не более чем животное, кем-то раненое в живот». Только я знала – кем и когда ранена.

Я все чаще ловила насмешливые и презрительные взгляды своих «товарок». Так когда-то мы, чистые и высоконравственные девчонки, смотрели на Аньку Дронову. Но, повторяю, в смысле учебы я считалась подающей надежды студенткой.

Поэтому аспирантура мне не просто светила, а была, по сути, делом решенным. Но тут как раз случилось мое замужество. Только что окольцованная, я вдруг резко решила, что аспирантура – не вариант. Мол, нельзя же до седых волос учиться? Пора и настоящей жизни хлебнуть. И я направила свои стопы в самую обычную московскую школу, где меня радостно приняли и направили для начала преподавать русский и литературу в 5—6 классах.

Мой научный руководитель и другие преподаватели

с филфака охали и ужасались, клятвенно уверяя меня, что, мол, посиди там годик, а потом мы отыщем для тебя что-то более подходящее. Что-нибудь «по академической стезе». Честно говоря, эта стезя меня не больно-то прельщала.

Я была уверена, что сама пробью себе дорогу в чаемом мною направлении. Дело в том, что уже с третьего курса я начала пописывать статейки в гламурные журналы и интернет-издания. Оказалось, что у меня довольно бойкое перо. И мои лихие, а порой и скандальные тексты охотно печатали. Именно этого я и хотела – стать модным журналистом. В крайнем случае, устроиться редактором в какой-то престижный журнал. Интервьюировать знаменитостей, посещать фуршеты.

Параллельно с текстами я закидывала эти журналы бесчисленными резюме. К моему изумлению никто не спешил зачислить меня в штат. Вот фрилансером – пожалуйста! А потом настал кризис. Число журналов, равно как число сотрудников в них, сократилось вдвое. Да и зарплата тоже. В общем, в той же школе я застряла на три, нет, уже на четыре года, хотя почти сразу поняла, что учительство, увы, не является моим призванием. Но я забежала вперед...

2. ДЕБЮТ ДАРОВИТОГО АВТОРА

Университет остался позади и началась взрослая жизнь. А вскоре в моей семье случилась трагедия, на несколько лет выбившая меня из колеи. И первым ее предвестником стало малозначительное, казалось, событие. Да и событием его трудно назвать. В каком-то журнале я наткнулась на отзыв о первой книге молодого, но явно перспективного автора. Она называлась «Учительница первая моя» и удостоилась прямо-таки восторженного отзыва.

Я, помнится, еще подивилась, ибо столь хвалебная рецензия, да еще на первую книгу – по нынешним временам большая редкость. Как ни крути, но современный критик все же таки не Белинский, да и писатель-дебютант – едва ли Гоголь. На фамилию самого автора я тогда внимания не обратила.

Потом хвалебные рецензии стали множиться, а сама книжка оказалась в шорт-листе какой-то престижной премии. Тогда я и решила ее прочесть. В первом же книжном магазине, в который я заглянула, эта книжка имелась в наличии. Я взглянула на заднюю сторону обложки, чтобы узнать, как выглядит «даровитый автор» и чуть ее не уронила. С обложки на меня смотрел, приветливо улыбаясь, никто иной, как мой «дорогой учитель» – Амбруаз Михайлович Дьяков. Я просто обомлела. Почти пять лет прошло, как он исчез из моей жизни. Я не сомневалась, что он где-то

учительствует, по-прежнему пленяя умы и души таких же, как я когда-то, малолетних дурочек и, скорее всего, при случае растлевают их. Но он, оказывается, кое-что успел сделать и «для бессмертия», на отсутствие которого так горько сетовал в начале нашего с ним романа. Я колебалась, не бросить ли книжку обратно на полку? Я всегда была твердо уверена, что выбор книг для чтения порой мистическим образом влияет на судьбу читателя. И остаюсь при этом убеждении по сей день. Ах, если б я тогда прислушалась к своей интуиции, многое в моей жизни сложилось бы по-другому.

Но некоторое гадливое любопытство все-таки пересилило, и я купила новомодный бестселлер, еще не зная, стану его открывать или нет? Но вечером открыла. С этого момента «мой паровоз», как поется в старой революционной песне, пытая и скрежеща ржавыми колесами, стронулся с места, и «полетел вперед», набирая ход, пока не доставил меня к самой страшной катастрофе в моей жизни.

В детстве родители часто ставили пластинки с песнями тех для меня незапамятных времен. Я часто пела «про паровоз» – самозабвенно и с удовольствием. «Наш паровоз вперед лети» – все просто и замечательно. Только дальше следовало совсем уж непонятное – «Кому не остановка?». Я помню, что часто спрашивала у родителей, что означают эти слова. Но они никогда не объясняли, а только умилялись.

Когда я открыла первую страницу, то искренне надеялась,

что творение АМ окажется скучной галиматей, сквозь которую невозможно продраться. Но вскоре должна была признать, что повестушка написана, увы, лихо и вовсе не бесталанно. Я нашла в интернете целую кучу рецензий и вынуждена была согласиться с автором одной из них, писавшим: «Автор проявляет удивительную наблюдательность при описании школьной жизни, которую он – профессиональный педагог – знает изнутри, а не понаслышке, как большинство других авторов, затрагивающих эту тему».

«Да, главный герой книги – школьный учитель, – отмечал другой критик, – и поэтому немало страниц посвящено его взаимоотношениям, а иногда и конфликтам с учениками: юношами и девушками, обдумывающими жите».

Был в этой книжке и школьный театр, а в одной из учениц по имени Регина, девушке с армянской кровью, я узнала себя. Регина, внешне на меня похожая, упорно пытается завлечь учителя своими прелестями. Но безуспешно, ибо он в своих принципах тверд. Как подчеркнул другой критик: «Автор предельно честен, когда поднимает и тонко анализирует болезненную, но ныне вдруг ставшую актуальной тему педофилии. Он описывает ситуации, в которые неминуемо попадает молодой блестящий учитель, сталкиваясь с неизбежным интересом к себе юных девушек, не всегда способных совладать с их бурно расцветающей чувственностью. К счастью герой, который (будем же откровенны!) легко мог бы повторить бесславный путь Гумберта Гумберта,

не поддается многочисленным соблазнам, предоставляемым его профессией, а, напротив, элегантно и даже весело обходит силки, расставляемые на каждом шагу его воздыхательницами. Эти страницы написаны с таким неподдельным юмором, что читателя невольно разбирает смех, который порою трудно сдержать. Да и надо ли сдерживать?»

Меня и вправду разбирал смех (пусть и горький), когда «в одном из самых сильных эпизодов книги» Регине удается уединиться с учителем, и она бесстыдно предлагает ему себя: «Ведь нам обоим этого хочется, не так ли? А родители, да и никто на свете об этом не узнают, клянусь!» Но наш герой и здесь остается Учителем в самом высоком смысле. Он тонко и уважительно находит те единственные слова, которыми наставляет распаленную донельзя ученицу на путь истинный, не оскорбляя ее чувств и девичьего достоинства. «Оказываясь даже в самых двусмысленных ситуациях, герой с честью выходит из них. При этом он никогда не упускает случая поделиться с питомцами драгоценными каплями собственного жизненного опыта», – писала восхищенная критикесса. Лучше бы написала: «Каплями собственной спермы», – комментировала я про себя. Меня буквально тошнило от подлой и лживой книги и от слюней благодарных критиков.

Но откуда взялось само название «Учительница первая моя»? Предоставлю слово еще одному рецензенту (вернее, рецензентке): «Возможно, самые пронзительные и светлые

страницы посвящены описанию любви, вспыхнувшей между героем повествования, тогда десятиклассником, и его молодой учительницей. Многие с негодованием назовут эту связь предосудительной, а то и потребуют судить растлительницу. Я уверена, что после прочтения повести некоторые (а хотелось бы, чтобы все!) из этих „высокоморальных“ ханжей изменят свое мнение. Ибо ничего, кроме слов благоговейной благодарности со стороны „жертвы“, по отношению к совра- тительнице они в ней не найдут. Пора бы нам всем научиться толерантности и чуткому отношению к тем, чье поведение хоть на йоту отклоняется от общепринятого. Да, закон может определить возраст, когда разрешено любить. Но само это высокое чувство никаким законам и официальным постановлениям не подвластно».

Словом, первая книжка молодого автора прошла «на ура». Но «Учительница...» посвящена не только школе. Это я уже пишу от себя! В повестушке с глубоким чувством описаны и увлечения героя половозрелыми особами. Эти его похождения тоже выписаны с поистине неподражаемым юмором. А одна из таких особ проходит сквозной линией через все повествование. Звать эту особу Римма. Она бальзаковского возраста, на несколько лет старше главного героя, является матерью одной из самых трудных его учениц. У нее муж—тюфяк и ярко-зеленые глаза. Вообще, эта Римма до странности похожа на мою мать. Правда, это сходство касается только внешности. Своим нравом и разнузданным

поведением Римма являет ей полную противоположность.

Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно прочесть такой фрагмент:

«О, Римма, Римма! Как всегда царит. Сплошные флюиды. Ну и, конечно, рядом – тишайший, интеллигентнейший, несмышленный муж-добряк, Аркадий Семенович, Аркаша, за стеклами очков водянистые глазки. Весь аж лучится... Ну как же – я друг дома, совместный отпуск в Гаграх. Ах, забываемо, забываемо!

Действительно, забываемо. Любовь на ночном пляже, шум прибоя, деревянный лежак, «и теплый ветер овеивает разгоряченные тела»... О неистовая, ненасытнейшая, высокопрофессиональная Римма! Перекладины лежака так врезались в ее нежную кожу, что и на следующий день страшно было смотреть. Зебра! Вылитая зебра! А потом... Дача под Звенигородом. Липы шумят, и рябина – прямо в распахнутое окно. Блаженство ласк начальных и исступление заключительных. Изгибы и тайники. Неугасимое желание. А ямочки на ягодицах? А фантастические возможности мягкого жадного рта? А ликующие стоны? О-о-о!

А на прохладных простынях в гражданской Москве среди бонтонного антуража – картины, ковры, статуэтки – как сладостно повелевать дивным извивающимся телом. Ее глаза как бы поворачиваются зрачками внутрь и уже ничего не видят. И вдруг – на вершине чистого ощущения тот единствен-

ный миг, когда рушатся последние преграды, и ты ввинчиваешься в вечность. И как музыка сфер – оглушительное всхлипывание недр. И распластанная женщина благодарно лепечет, еще содрогаясь, и, откатившись в сторону, слышишь стук собственного сердца. Ух-х-х!».

Вот так, «с неподражаемым юмором», живописал мой бывший талантливый наставник некую неизвестную Римму, которая на протяжении всей книги только и делает, что со страстью раздвигает перед скромным учителем свои малость увядшие, но все еще обольстительные чресла. Повторю, Римма только внешне напоминала мою мать. Подумаешь, ярко-зеленые глаза! Они ведь тоже не редкость. Даже в жизни. А в литературе – так просто кочуют из книги в книгу. Я понимала, что мои безумные подозрения не имеют под собой никакой почвы. У мамы понятно, не было, да и не могло быть никаких отношений – явных и, тем более, тайных – с АМ. Просто я навоображала черт те что, притом оскорбительное для мамы. На всякий случай я все-таки сказала ей, как бы между прочим, но внимательно следя за ее реакцией:

– Кстати, а Амбруаз Михайлович, мой бывший учитель литературы, похоже, прославился. Не слыхала?

Мама и ухом не повела. Только спросила:

– И чем же?

– Да он, оказывается, книжку написал. И вот-вот получит за нее какую-то премию.

– Наверное, заслуженно, – сказала мама. – Надо будет как-

нибуть почитать. Он же явно человек талантливый.

– А у меня, кстати, эта книжка есть. Принести тебе?

– Конечно, принеси. Полистаю как-нибудь на досуге. А как твое мнение – она стоит того?

– По-моему, не очень.

– Ну, тогда можешь не приносить, – легко и без всякого сожаления отреагировала мама, а потом добавила, улыбнувшись: – Я твоему вкусу вполне доверяю.

Нет, мама явно ничего не ведала ни об АМ, ни о его книжке. Удостоверившись в этом, я с облегчением вздохнула и быстро выкинула из головы свои нелепые подозрения, посмеялась над собственной паранойей и на полгода забыла об этом думать.

Даже спустя пару месяцев, когда в родительской библиотеке я наткнулась на «Учительницу...», явно читанную, и оттого – довольно сильно истрепанную, то не обратила на это внимание. «Мало ли что? – подумала я. – Может, мама или папа ее уже после купили. Надо будет у них спросить...» И тут же об этом забыла.

3. Я УБИЛА МАМУ

Примерно через полгода, я почему-то оказалась у метро Щелковская. Хоть убей, не помню, зачем туда потащилась. Всего пару недель назад мы с муженьком окончательно расстались, и настроение у меня было прескверное. Вот я и бродила, машинально бросая взгляд на витрины, киоски, бесконечные автобусы и грузовики. Была пятница – холодный и ветреный февральский денек. Солнце, весь день прикидывавшееся весенним, уже зашло. Наступил конец рабочего дня, и на улице было довольно оживленно. Вокруг сновал какой-то плохо мне понятный люд, которого не встретишь ни в Центре, ни даже в Беляево. Большинство снующих мимо мужчин (да и женщин) казались пьяными или полупьяными.

Вдруг на противоположной стороне узкой улочки я увидела маму. «Что она здесь делает? Как, вообще, тут очутилась?» – изумилась я. Мама была в своем любимом редкого для зимы темно-зеленого цвета пальто, которое так гармонировало с цветом глаз, да и вообще ей безумно шло. Надевала она его не часто, только по торжественным случаям. В своем стильном прикиде среди этой толпы она выглядела как какая-то райская птица, залетевшая по ошибке на птичий рынок. Я всегда с гордостью наблюдала, как восхищенно оглядывают ее со всех сторон проходящие мимо мужчины. А на Щелковской мужики просто застывали, открывши рот.

Несмотря на свои 43 года она была ослепительна. Да и выглядела лет на 35, если не моложе. А в этой толпе казалась и вовсе марсианкой, какой-то Аэлитой. Мама явно кого-то ждала. Несмотря на мороз, она сбросила капюшон и иногда вглядывалась в свое отражение в темном стекле киоска, возле которого стояла, каждый раз рефлекторно поправляя при этом волосы.

«Интересно, кого она тут поджидает? – подумала я. – Может, папу? Нет, вряд ли...». Я раздумывала, окликнуть ли ее или лучше, перебежав дорогу, незаметно подкрасться сзади и крикнуть: «Сюрприз! Сюрприз!». Но вдруг увидела, что к ней приближается, уже издалека улыбаясь... нет! не может быть... АМ – собственной персоной!

Я похолодела и инстинктивно отпрянула назад, хотя они вроде и не могли меня заметить. «Просто случайная встреча. Чего не бывает?» – мелькало в моей голове. Но нет, мама улыбнулась, заведя АМ, и приветственно махнула ему рукой. Было ясно, что его-то она и ждала, непрерывно поправляя прическу. И направились они даже не к метро, а на остановку автобуса, о чем-то оживленно беседуя.

«Но это невозможно! Просто невозможно! – твердила я про себя, отказываясь принять очевидность. – Моя мама? С ним? Нет, немыслимо! Конечно, как-нибудь все объяснится – и самым естественным и безобидным образом. Но нет, такого все-таки быть не может!»

Поздно вечером я заглянула «к предкам». Папа сидел у компьютера. Мама на кухне мыла посуду – видно, они только что отужинали. Она радостно мне улыбнулась. Столь же радостно, как всего несколько часов назад улыбалась АМ.

– Есть будешь?

– Нет, спасибо, я не голодна. А у тебя, похоже, отличное настроение, – сказала я, а потом как бы невзначай спросила: – Могла я тебя сегодня видеть на Щелковской?

– На Щелковской? – переспросила мама, слегка порозовев. – Когда? Да и что я могла там делать?

– Примерно в районе четырех.

– Да нет, тебе показалось. Я? На Щелковской? В это время?

– Нет, мама, все-таки это была ты. В своем темно-зеленом пальто.

– А-а... впрочем, да. Припоминаю, – быстро заговорила она, будто речь шла о событии, случившемся не сегодня, а много лет назад. – Я... я должна была встретиться там с приятельницей. С... м-м... с Ольгой Викторовной, – залепетала мама, совсем уж густо покраснев. Она совершенно не умела врать. И, по-моему, ни разу за всю жизнь меня не обманула.

Я почувствовала, как от ужаса от ее беспомощной лжи у меня вдруг задрожали пальцы.

– Ольга Викторовна? – тихо и почти ласково спросила я. – А, по-моему, это был мужчина...

– Э-э-э, да... – как бы пропуская мои слова мимо ушей, сказала мама, глядя, как обиженный ребенок, который вот-вот расплачется. – Вот сейчас я вспомнила. Я ее не дождалась. Она почему-то опоздала... и не пришла... А я тоже... ушла, ее не дождавшись...

– Одна?

– Одна, конечно... С кем же мне было идти, если она не пришла?

– Мама, что с тобой? Зачем ты мне врешь? Я же видела, с кем ты ушла! Это был...

– Тише! – вдруг умоляюще зашептала мама. – Тише! Не кричи, а то папа услышит.

И она плотно прикрыла дверь на кухню.

– Отчего же? Пусть слышит.

– Умоляю тебя, Ритуля. Тише, пожалуйста. Я сейчас тебе все объясню. Только ты не кричи, умоляю, – и тут мама внезапно разрыдалась. – Да, это был АМ. Мне тебя все равно не обмануть. Мы уже два года... встречаемся. Когда-то просто столкнулись случайно на улице. Вспомнили школу, тебя вспомнили. Только тише, умоляю!..

– Встречаетесь? – машинально переспросила я, чувствуя себя как в страшном сне. – И у вас началось?

Про себя я подумала: «Ха-ха! Сначала он трахал и насиловал дочку. Теперь на маму переключился. Неплохо устроился, однако...»

Мама молчала. Вымытая чашка, которую она так и не поставила в сушилку, прыгала в ее руке.

– Но почему на Щелковской? У вас там что – конспиративная квартира? Для тайных свиданий? Мило... – тихо сказала я, чувствуя, как меня охватывает холодная ярость. – Почему же так далеко? Ведь у АМ есть холостяцкая квартира. Я там часто бывала...

Мама как-то странно взглянула на меня, но ничего не спросила. И вдруг начала буквально ломать себе руки:

– Ты же знаешь, я ведь никогда!.. Никогда и ни с кем!.. Я даже помыслить себе такого не могла. Сашенька ведь мой единственный. Был и... остается. А тут как бес попутал. АМ вдруг назначил мне свидание. И я пошла, как... дура! Решила хоть раз попробовать, как это бывает. Из глупого любопытства. Так, почти в шутку... Я и не думала ничего такого. А он вдруг повел такие речи... странные...

– Ага, сказал, как он бесконечно одинок...

– Откуда ты знаешь?

– Да знаю. Не первый год на свете живу. А ты... решила самоотверженно скрасить его одиночество. Пожалела... Чисто по-матерински.

– Пожалела. Я еще подумала... Дура! Дура набитая!.. – вдруг взвыла она. – Я еще подумала, что один раз не в счет. Испытать захотелось... напоследок. Пока окончательно не превращусь в старуху. Это даже романом не назовешь.

– Так спала ты с ним? Или нет? – продолжала я задавать свои бессмысленные вопросы, хотя давно уже знала ответ. И видела, что мама близка к обмороку. Но никакой жалости я к ней не чувствовала.

– Да, – выдавила она из себя. – Я пыталась с ним порвать. Особенно после того, как прочла эту его книжку. И узнала в ней себя. Ведь ты тоже узнала? Да? Ради книжки этой он никого не пожалел. О, как я его ненавидела! Особенно за то, как он там унизил и высмеял папу. Как себя презирала! Презирала... как последнюю тварь. Я тогда твердо решила положить конец этому блуду. И... не смогла... Доченька, делай со мной, что хочешь! Только бы папа не узнал. Он этого не вынесет. Лучше бы я умерла... Ты его убьешь. О, что я такое говорю? Это я его убью, убила. Если он узнает, то не выдержит. Умоляю тебя, Рита!.. – мама снова залилась слезами и вдруг упала передо мной на колени.

– Ах, он не вынесет? Супруг-рогоносец не выдержит? И ты... С этим подонком!..

– Зачем ты так говоришь, Рита? Да, я все предала. Себя, Сашу, тебя! Всю свою жизнь перечеркнула! И зачем? Боялась, что-то упустить, тварь! Последнее танго. Белый танец... Какая грязь! Не отмыться!.. Бедный Саша, у него сердце пошаливает в последнее время. Но ведь АМ все-таки не подонок? Не подонок же? – умоляюще спрашивала мама, заглядывая мне в лицо. – Зачем ты так... Просто несчаст-

ный человек. И он художник. Он ради красного словца... но не о нем речь.

– Нет, речь как раз о нем. Возможно, тебе будет интересно узнать, что этот «неподонок» меня изнасиловал?

– Нет, – прошептала мама, закрываясь от меня руками, как от привидения.

– Да, дорогая мамочка. И не один. Он еще дружка своего привел – историка. Так что они на пару вые...ли твой цветок аленький.

Мама после этих слов начала медленно оседать, рукой пытаясь нащупать стул, а я продолжала, уже не сдерживаясь:

– Что, сюрпрайз? Не ожидала? Ничего, ты выдержишь! Ведь я же выдержала?

Мама заметалась, изо всех сил стискивая уши руками. А потом сказала как-то отстранено, будто ничего не было, будто эта сцена мне привиделась: «Что-то у меня голова разболелась...» И, пошатываясь, вышла из кухни и закрылась в спальне. Через минуту я услышала, как туда прошлепал папа, а потом – его испуганный голос:

– Что с тобой, Жанночка? Тебе плохо? Марго, где ты? Скорей сюда – с мамой плохо.

Я бросилась в их спальню, ужасаясь тому, что только что наделала. Ведь этой правды маме не вынести...

Она лежала даже не на кровати, а на коврике рядом. Видимо, не дошла. В лице – ни кровинки. Вначале мне показа-

лось, что она не дышит. Нет, дышит. Не пугайся, папа, это просто обморок. Сейчас, сейчас я вызову скорую. Все будет хорошо, вот увидишь.

Приехала скорая. Маму привели в чувство, уложили на кровать. В больницу она ехать отказалась.

– Хорошо, хорошо, Жанночка, – успокаивал ее папа, севший рядом с ней, держа и целуя ее руку.

С утра пришел врач. Выписал кучу лекарств. Я бросилась в аптеку. Мама лежала белая, а когда я пыталась к ней подойти, начинала безудержно рыдать и отворачивалась к стенке.

– Марго, что случилось? Что между вами произошло? – спрашивал папа, который тоже был не в лучшем виде. По квартире плыл сильный запах валокордина.

Я в слезах убежала. Через пару дней мама немного пришла в себя. Уже не отворачивалась, когда я к ней подходила. Но молчала. Только иногда еле слышно шептала: «Прости, прости... Господи, что я наделала!..» Или вдруг начинала говорить по-армянски.

А через три недели папа ее нашел лежащей без движения среди пустых упаковок и пузырьков от таблеток, купленных мной. Но на этот раз она уже не дышала.

После смерти мамы я была как в бреду. Папа, как ни странно, держался. Он-то и занимался похоронами. Гроб заказал, место на кладбище. И оградку, конечно. Ах, оградку попозже? Ну да, закажем попозже.

А за окном март стоял – уже в середине. Ранняя весна, грязь, желтый снег. Когда пришла пора отправляться на кладбище, ничего черного у меня не нашлось. Я нацепила какой-то темно-серый платок. Вдруг меня пронзила мысль: «А что если АМ на похороны явится?» Нет, конечно, это было невозможно. Но если?.. Тогда я схватила кухонный нож и, обмотав тряпкой, сунула в сумку, где уже лежали, обернутые в целлофан, старые мамины документы. И один совсем новенький – «Свидетельство о смерти»...

«Если явится, убью!.. Убью!..» – повторяла я, теряя последние остатки рассудка. Но АМ не пришел. В свежевырытой ярко-рыжей яме было полно воды. И на веревках опустили гроб прямо в воду двое дюжих, в ватниках, нетерпеливых. И быстро-быстро завалили мокрой глиной могилу, где отныне маме быть... А оградку надо будет попозже заказать. Не забыть бы...

Поминок по маме мы не устраивали. После похорон я сидела у *них*. А как можно сказать иначе? Конечно, у них – у мамы с папой на кухне. Сидела как истукан, про себя повторяя – Я УБИЛА МАМУ. На папу было страшно смотреть, но он «держался». И пытался еще меня утешать. Подходил, садился рядом, обнимал меня за плечи и говорил: «Что поделать, доченька? Надо жить дальше». Мне бы тут заплакать, обнять его. Но слез у меня не было.

А папа уже на следующий день пошел на работу – в свою

лабораторию. И сидел там до позднего вечера. Так продолжалось всю неделю. Только в воскресенье у него случился инфаркт.

Скорая увезла его в реанимацию. Меня к нему почти сутки не пускали. Только когда его перевели в палату, позволили зайти. И я не сразу папу узнала. Вот тогда я поняла, что так бывает – он за один день превратился в дряхлого старика. Это, оказывается, не фигура речи. А ведь ему едва стукнуло 50. Он был в сознании, попытался мне улыбнуться, мол, ничего, прорвемся... А потом повернулся лицом к стене, сделав мне знак – дескать, спать хочу. Но не спал, а лишь шептал, видимо, не сознавая, что говорит вслух: «Жанна, Жанночка, ну зачем? Как ты могла?»

Через неделю его выписали домой. А вскоре он снова вышел на работу. Только у него заметно стала трястись голова. И руки. Поэтому, когда он пил чай, то почти весь расплескивал.

Я заходила к нему каждый вечер. Помогала по хозяйству. Он благодарно улыбался, а потом снова принимался меня утешать. Иногда все-таки не сдерживался и задавал мне тот самый вопрос, которым мучился: «Зачем, зачем мама это сделала?» Но я молчала. Не могла же я сказать ему, что это я сама УБИЛА ее. Вместе с АМ.

Я и предположить такого не могла, но через полтора года у папы появилась женщина. Она была на несколько лет его

старше и очень, как мне показалось, уродлива. Звали ее Валентина Николаевна. Она была точной копией, если не двойником, Терезы – экономки, а впоследствии жены профессора – сиолога Кина из романа Элиаса Канетти. Она вела себя и, что уж совсем поразительно, разговаривала в точности, как та Тереза. Валентина Николаевна при моем появлении застывала посреди коридора, уперев одну руку в бок, а другой указывая на что-то, видимое только ей. И несколько раз повторяла: «Было убрано!» или «Почему я должна?» Я чувствовала, как начинаю задыхаться в ее присутствии. И стала навещать папу все реже и реже.

Сейчас я прихожу «к ним» раз в неделю. И то стараюсь улизнуть как можно быстрее.

Да, мне больно смотреть, как признаки одряхления проявляются все сильнее. По-моему, папа уже начинает заговариваться. И новоявленная Тереза все больше берет над ним власть. Он уже попал к ней в полную зависимость. Но что я могу поделать?

4. ЧУЖОЕ СЧАСТЬЕ

У Эльки все складывалось не в пример лучше, чем у меня. Вскоре после моего замужества она вышла за Марика Хейфеца. Оказалось, что Марик не просто «откупорил» ее на выпускном вечере, да и был таков. Нет, их отношения продолжались и после школы. Я думаю, что их сблизила некая общность биографии – оба росли без матери (а Марик и без отца). Оба, как и многие выпускники нашей школы, поступили в Иняз. Вот там-то все у них закрутилось. А через три года, вскоре после моего замужества, и они вступили в законный брак. Только их брак оказался куда прочнее моего.

Марик уже с третьего курса попал в «серьезную» фирму, поставляющую своим многочисленным заказчикам какие-то супер-пупер программы для сбора интересующей тех информации о собственных (и чужих) клиентах. Вначале он участвовал в бесконечных ежедневных переговорах в качестве переводчика-синхрониста. Но вскоре выяснилось, что он сам – талантливый переговорщик. И в этой роли незаменим. Особенно, когда среди представителей заказчика оказывались дамы. Те, независимо от возраста, просто млели, глядя на этого красавчика. В результате, его фирма получала самые жирные заказы и на наилучших условиях. Словом, он быстро стал в фирме важной птицей. А уже через год возглавил ее новый и перспективный филиал.

Не знаю, то ли он действительно проявил выдающиеся способности, то ли ему бешено везло, но еще до обретения диплома он начал не только стремительно продвигаться по карьерной лестнице, но и просто купаться в деньгах. К его чести надо сказать, что он все эти годы оставался все тем же улыбчивым и, в общем, добрейшим Мариком, рубахой-парнем, как в школе.

Профессиональная карьера Эльки тоже сложилась куда лучше и интереснее, чем моя. Она ни дня не проработала училкой, а как-то прибилась сначала в академический институт, где реферировала зарубежные журналы, а затем оказалась в министерстве образования, где курировала проекты по внедрению новых экспериментальных методов в школе. Я не слишком интересовалась, чем она занимается, но сама Элька была своей работой очень увлечена. Когда Марик уже по-настоящему встал на ноги, он тыщу раз предлагал ей уйти со службы, чтобы посвятить себя семье, детям и «духовному самосовершенствованию». Но Элька категорически отказалась бросить свою «такую интересную» работу и стать домашней хозяйкой. «Фи!.. – говорила она. – Ни за что!!»

Она при этом оказалась образцовой матерью и женой. Очень скоро с промежутком в полтора года у них родились две очаровательные крошки – девочка, а потом и мальчик, в которых Элька, да и я тоже, просто души не чаяла. И при этом она не просто оставалась в прекрасной форме,

но буквально расцвела. Вокруг нее увивалось великое множество поклонников. Вот когда она могла бы взять реванш за свои *безлюбые* школьные годы. Но нет, она никому не давала ни малейшей надежды на взаимность.

Я наблюдала за их жизнью не без тайной зависти, но вполне искренне говорила себе: «Слава богу, что хоть кто-нибудь в моем окружении счастлив. Причем, заслуженно!». На всех окружающих они производили впечатление солнечной пары. Их брак смело можно было бы назвать идеальным, а жизнь Эльки безоблачной, если бы не периодически набегавшие тучи в виде измен Марика. Да, он при наличии красавицы — жены, которую и вправду обожал, постоянно бегал на сторону. Элька страшно переживала его измены, когда (и если) они становились ей известны. Марик искренне каялся, но потом все повторялось заново. Возможно, он и сам не хотел, но ничего не мог поделать со своей природой вечного ловеласа.

Однажды, когда Элька куда-то ускакала, он начал приставать и ко мне, поминая наш школьный перепихон и предлагая немедленно его повторить. Но нарвался на столь решительный отпор, сопровождавшийся угрозами, что при любой следующей попытке ноги моей не будет в их доме, что поставил крест на этих своих планах. Боюсь, что этот красавчик оказался единственным, кто в ту пору получил от меня отказ.

Элька все эти годы оставалась не просто самой близкой,

но единственной моей настоящей подругой. Я лишь надеюсь, что так будет и впредь, «пока смерть не разлучит нас». Я ничего от нее не скрывала. Даже собственное блядство, хотя все-таки старалась приуменьшить его истинный масштаб. Я знала, что Элька бесконечно мне сочувствовала, сопереживая любому из моих несчастий и всему, что происходило в моей жизни и в душе...

Лишь одно меня огорчало – она старалась, но не могла скрыть, что стесняется своего счастья, протекающего на глазах столь неудачливой подруги. Но Элька и вся ее семья стали для меня единственной отдушиной. Я чувствовала, что она и ее детки искренне меня любят. А других источников любви, кроме, разумеется, родителей у меня и не было.

Когда случилась эта катастрофа, уничтожившая мою семью, я, естественно, пришла к ней. Элька была на похоронах мамы, убивалась и плакала, в то время, как я не могла выдать из себя и слезинки. Но сейчас я рассказала ей про вклад АМ в смерть моей мамы. Не утаила и того, что последний, «контрольный» выстрел совершила собственноручно. И про вмиг одряхлевшего отца.

Элька на время утратила дар речи. А потом снова стала, как тогда, в школе, похожа на разъяренную тигрицу. Но чем и как она могла мне помочь?

Только обнять и расплакаться вместе со мной (вернее, вместо меня, ибо, как я уже говорила, в это время глаза мои

в любых ситуациях оставались сухими):

– Бедная Марго! Красавица моя разнесчастливая. Ты же сойдешь с ума от всего этого. Я бы уж давно с катушек слетела. Да, ты у нас стойкая. Стойкий оловянный солдатик. Но все равно, так дальше нельзя! Я понимаю – это глупо звучит, но, может, тебе стоит обратиться к психологу?

– А у тебя есть кто-то на примете?

– Нет, но могу поспрашивать.

– Не надо Элька, спасибо. Если мне вдруг понадобится, я сама его найду, – попыталась улыбнуться я. – Но сперва попробую без посторонней помощи с этим разобраться.

Наконец, прошла та страшная весна, когда умерла мама. За ней пролетело и лето. 1 сентября я начала учительствовать в 5—6 классах.

Поначалу я мечтала, как буду сеять в юных душах «разумное, доброе, вечное». Тешила себя надеждой стать для них другом и наставником. Пыталась как-то их заинтересовать. Увы и ах! все мои старания были тщетны. Увлечь моих воспитанников хоть чем-то оказалось безнадежным делом.

Хорошо еще, что на уроках они сидели тихо, но и то только потому, что были углублены в свои телефоны. Вначале я пыталась сопротивляться, отнимала у них гаджеты, ставила двойки и вызывала родителей. Но все напрасно. В конце концов, я смирилась, и между нами был заключен негласный договор. Я автоматически что-то бубнила, не пытаясь при-

влечь их внимание. А они продолжали сидеть и переписываться со своими приятелями в интернете.

Их будущая судьба вырисовывалась достаточно ясно – менеджеры по продажам, офисный планктон. Скажите, зачем им литература? И зачем мне метать перед ними бисер? Словом, за эти четыре года я превратилась в скучную училку литературы в скучной школе. И тут тупик...

– Марго, вам было 22, когда случилось это несчастье с мамой. С тех прошло почти 5 лет. Что же произошло за это время в вашей жизни?

– Боюсь вас, Голос, разочаровать, но ничего. Со всем ничего. Это было время пустоты вокруг меня и мрака, вернее, ада внутри. А больше и вспомнить нечего. Словно оно все с грохотом ухнуло в мусоропровод. И следа не осталось.

– Увы, так происходит почти всегда и почти со всеми. Живет человек, что-то делает, копошится, вроде занят, что голову поднять некогда, а потом, глядишь, вроде как и не жил.

– Ага, жизнь, как активная стадия небытия. Правда, в последний год как раз случилось немало событий. В качестве издевательской компенсации за предыдущие четыре или пять лет «простоя».

– Что ж, отрадно слышать. Ведь движение все-таки лучше мертвенной пустоты. Не так ли?

– Вовсе в этом не уверена. Но как бы там ни было, изложу происходившее и происходящее со мной в порядке поступления.

Психиатры считают, что главный признак шизофрении – расщепленность сознания. Говорят даже о раздвоении, а то и расстроении личности. Как часто бывает, задолго до ученых это явление было описано в художественной литературе. Знаменитый роман «Странная история мистера Джекила и доктора Хайда» Роберта Стивенсона (того самого, который «Остров сокровищ») – классический и самый яркий пример. Полвека назад сенсацию в мире психиатрии вызвало обнаружение реальной множественной личности – в одном человеке, вернее, в его сознании, обреталось сразу несколько непохожих, а порою и несовместимых друг с другом личин.

Это все захватывающе интересно, и я даже когда-то опубликовала на эту тему статью. Но сейчас я не об этом. Нет, шизофренией я не страдаю – хоть от нее бог миловал. Но в моем случае дело обстоит еще безнадежнее. Я уже давно поняла, что у меня произошло расщепление сознания и тела. В полном соответствии с формулой, придуманной каким-то знатным большевиком: «Верхи не могут, а низы не хотят».

«Верхи» – это сознание. Оно отдает телу приказы и рассылает ему всякие указания. А тело должно послушно подчиняться. Но мое тело игнорирует эти приказы и подчиняться отказывается. Сознание хочет – родить ребенка, испытать

удовольствие от секса. И не может – пасует перед своеволием тела. А тело как раз может, но не хочет – ни беременеть, ни чувствовать.

На самом деле все обстоит еще хуже. Я не случайно пару раз при описании бесчувственности моего тела употребила слово «почти». Потому что иногда оно все же что-то чувствует. И пусть это что-то не более чем жалкий суррогат того, что я испытывала прежде, но все-таки какой-то отклик возникал, а, значит, тело не было совсем уж бревно бревном. Увы, чтобы ощутить этот отклик, сознание должно выполнить некое условие, совершить то, чему оно всеми силами противится. Ибо его выполнение куда более унижительно, чем даже моя готовность лечь чуть ли не под первого встречного. А всего-то требуется, чтобы сознание воспроизвело во время соития картинку моего изнасилования, совершенного когда-то АМ и КА.

Каждый раз во время очередного совокупления я корчилась от отвращения, пытаюсь стереть всплывающее помимо моей воли из потаенных глубин памяти это *чуждое мгновение*. И каждый раз сдавалась и допускала эту картинку в свой мозг. Словом, чтобы испытать хоть какие-то ощущения мне необходимо воссоздать ту гнусную сцену. И чем ярче выходит эта картинка, тем сильнее на нее откликается тело. Что может быть постыднее? Ведь чуть ли не ежевечерне эта мерзость заново оживает в моей голове, но мало того – я еще силюсь разглядеть и «упиться» самыми унижительными для

меня подробностями. Вот почему я никак не могу забыть ни эту сцену, ни обоих действующих в ней персонажей. Да, я их ненавижу, но одновременно только с их помощью могу достичь моего жалкого удовольствия.

Конечно, это уже полная патология. У меня не оставалось сил, чтобы бороться и с оледеневшим телом, и со смердящей душой. А после смерти мамы ко всему еще добавилось нестерпимое чувство вины. И эта вина, и то, что другим виновником ее гибели оказался АМ, завязало все в еще более тугой и не разрубаемый узел. И я поняла, что сама не смогу не то, что этот узел развязать, но хотя бы чуть-чуть ослабить. Просто сойду с ума.

5. ЯВЛЕНИЕ ТРИСТРАМА

И тут одна приятельница поведала мне про своего психотерапевта. «Самого лучшего и, вообще, потрясающего!» – так охарактеризовала его она, и продолжала с искренним восторгом: «У него, понимаешь, свои собственные уникальные методы. Они, конечно, э-э-э,.. не вполне конвенциональные... и даже могут шокировать. Но зато эффективные. По крайней мере, мне очень помогли, да. Он, конечно, монстр. Сущий монстр – но какой очаровательный! Ах!.. С улицы, понятно, к нему не попадешь. Только – по знакомству. Но тебя-то он, наверняка, возьмет – уж больно охоч до женского полу. Правда, берет дорого...» – тут она назвала сумму за визит. «Не знаю, как он сам, но гонорар у него, действительно, потрясающий», – не удержалась я.

– Поверь, он того стоит! В общем, если хочешь, я попробую тебе устроить первую, так сказать, ознакомительную встречу. А дальше он уж сам решит. Ну, так как – звонить?

Я знала свою приятельницу, как весьма скептическую особу – искренний восторг, звучавший в ее словах, меня удивил и отчасти заинтриговал. Словом, я решила попробовать:

– Отчего не сходить? Если уж он такой необыкновенный и разособенный. На следующий день моя обязательная приятельница сообщила: «Тебе повезло, ОН согласился. Вот его телефон, теперь созванивайся сама».

Мне было назначено через неделю на шесть часов. Его офис располагался в роскошном особняке в одном из переулков за Тверской, о чем гласила табличка «Мамонов Т. И., доктор психологических наук, профессор».

«Фу, черт! Так он еще и профессор, – подумала я не без некоторого насмешливого, но опасливого уважения. – И фамилия подходящая для таких гонораров». Я плюнула на лифт и отправилась пешком на третий этаж.

Открыв дверь, рядом с которой висела такая же, как и внизу, табличка, я оказалась в предбаннике. Даже слегка опешила, увидев за столом не деловитую секретаршу, а огромного юного детину с едва пробивающейся растительностью на подбородке и румяных щеках. Младше меня лет на семь, как минимум. Он с кем-то беседовал по мобильному телефону и лишь на секунду отвлекся, чтобы уточнить: «Вы – Маргарита Александровна?» До назначенного времени оставалось еще 15 минут. Я была уверена, что детина предложит мне кофе или хотя бы воды из кулера. Но он и не подумал, а продолжал вести свой явно неделовой разговор.

Вдруг вспыхнула лампочка над дверью кабинета. Детина встрепенулся и сказал: «Заходите! Маэстро вас ждет».

«Надо же, не иначе как маэстро! Что ж, поглядим», – подумала я, заходя в дверь, бегло оглядела убранство кабинета и самого его хозяина – и ощутила жуткое разочарование.

Начну, пожалуй, с обстановки. Она была точно такой же, как в голливудских фильмах о психотерапевтах – глубокие кресла из черной кожи, непременно психоаналитическая кушетка, дипломы и свидетельства на стене за креслом монстра. Единственным необычным предметом оказалась стоящая в углу ширма, как во врачебных кабинетах. И зачем она тут?

Ладно, это все ерунда. Но вот сам маэстро... При виде меня он вскочил со своего кресла, обогнул стол и чуть ли не опрометью кинулся мне навстречу, так что мы сошлись в середине комнаты. Он был низенький (я и сама-то не великанша, но все-таки на полголовы возвышалась над ним), весь какой-то скрюченный, вернее, скособоченный – левое плечо явно выше правого, так что мне вдруг померещился горб. Хотя горба на самом деле не было.

Лицо маэстро блестело от пота, а полуседые волосы всклокочены, как будто он только что занимался любовью. Добавьте к этой картине еще скошенный, практически отсутствующий подбородок и грустно свисающий набок еврейский нос. И еще руки, неожиданно длинные при его невеликом росте, с узловатыми пальцами. Руки эти (сразу видно – загребушие) доходили едва ли не до колен, а их кисти густо поросли черным волосом. Таков его беглый портрет. Словом, он был урод.

Единственное, что было терпимо и даже, пожалуй, симпатично – это веселые искорки, то и дело вспыхивавшие в его

маленьких и острых глазках, когда он бесцеремонно оглядывал меня с головы до ног.

Голос маэстро был столь же нелеп, как и его внешность. Он вдруг заблеял: «Так вы будете Маргарита Александровна?» Я кивнула, а про себя подумала: «Очень мило! Урод, да еще и козел...». Но маэстро тут же доказал, что блеянье — лишь часть его репертуара, а диапазон его речевых возможностей намного шире: «Ага, позвольте же и мне представиться, — заверещал он, после чего с достоинством прокудахтал: — Мамонов Тристрам Иосифович. Прошу любить и жаловать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.